

ПРОЛОГ

ЭЛЬ

— **К**ивни, когда будешь готова, дорогуша!
Голос парня прорывается через шум, и его
техасский акцент звучит фальшиво.

Показушник... Но черт побери, как же классно он выглядит в этих обтягивающих джинсах, которые ничего не оставляют воображению! Каждому присутствующему здесь он как бы говорит своим внешним видом: «Что есть, то есть».

Я не осуждаю его, хотя не то чтобы я как-то от него отличалась.

Посмотрев на YouTube видео о том, как правильно обрезать шорты, я достала пару ковбойских сапог с настоящей бахромой и добавила к ним бюстгальтер пуш-ап, благодаря которому моя грудь выглядит на размер больше и буквально вываливается из глубокого декольте майки. Я выгляжу так, будто Дейзи Дьюк* и чирлидер-

* Вымышленный персонаж и секс-символ американского телесериала «Герцоги Хаззарда» (The Dukes of Hazzard), вышедшего в 1980-е годы, сыгранный актрисой Кэтрин Бах. Дейзи Дьюк носила короткие джинсовые шорты и ковбойские рубашки, завязанные под грудью (прим. пер.).

ша команды «Даллас Ковбойз» стали одним целым, чтобы принять участие в телешоу «Кто хочет стать сексуальной ковбойшей?».

Но как я вообще *здесь* оказалась?

Здесь — в баре, в опасном районе города, при этом я даже не знаю, как танцевать тустеп или лайн-дэнс и делать все остальное, что я вытворяю весь вечер.

Здесь — где мои ноги обхватывают механического быка из искусственной кожи, а неизвестный мне ковбой обнимает меня сзади. Как-то вышло так, что мы заняли одно седло, и это непрофессионально и очень неуместно, так что я обеими руками за.

Здесь — в моменте, ради которого я живу, когда моя кровь закипит, чтобы ощутить жар, проникающий в каждую клеточку моего тела.

Предвкушение. Азарт. Нетерпение.

Все эти слова так громко звучат в моей голове, что я не слышу ничего вокруг. Реальный мир исчез, страхов и сомнений больше нет — есть лишь надежда, что следующий вызов наполнит меня адреналином и даст воспарить над опасностью и риском.

Я как будто нахожусь в шаге от чего-то неземного.

Другой голос шепчет мне на ухо:

— Ты ведь не передумала? Кивни тому парню и давай прокатимся, детка.

Я не его детка, но я чувствую эйфорию и смотрю на ковбоя. У него голодные глаза: он хочет меня или увидеть, как я буду падать с этой штуки, — мне все равно.

Я киваю, в моей голове мелькает последняя сознательная мысль: у него такая красивая улыбка, — и все сливается в один сплошной крик.

Держись! Зажми коленями! Сожми веревку!

Одной рукой я держусь за узел веревки, а вторая, как одержимая, доли секунды болтается из стороны в сторону. Затем я уступаю и хватаюсь за узел обеими руками.

Это дилетантский стиль, но мне плевать, я вою, кричу, схватившись изо всех сил.

Сидящий позади ковбой, имени которого я не знаю, обхватив меня руками, держится за основание веревки, а когда его и мои руки на веревке, это напоминает фаллический символ. При каждом резком движении быка он отстраняется, и его бедра сжимают меня. При столкновениях я чувствую своей задницей, какой он твердый и длинный, — это достаточно больно, так как толчки весьма неслабые.

Кажется, что оператор в сговоре с Ковбоем, поскольку толчки становятся не слишком резкими: мы вращаемся, но движения вперед и назад плавные и волнообразные. Ковбой стонет мне на ухо так, словно получает удовольствие, а не старается изо всех сил удержаться верхом.

Но я все еще держусь, надеясь дотянуть до восьми.

Бам-бам-бам.

На последнем маневре Ковбой врезается в мою задницу, и если бы не два слоя джинсовой ткани, такими толчками он, несомненно, с легкостью проник бы внутрь меня.

От этих мыслей я теряю равновесие и самообладание и съезжаю на бок. Ковбой пытается меня спасти, но я выскальзываю из его объятий и падаю на подушки вверх тормашками.

Толпа вокруг меня ликует, и мой взгляд устремляется на электронное табло.

Девять целых пять десятых.

Я жду, когда меня охватит второе приятное чувство. Успех, достижение, сила.

Твою мать, я это сделала! Плюс дополнительное время!

Я поднимаюсь с пола и делаю круг почета, высоко поднимая колени и хлопая по выставленным ладоням.

Я подхожу к лучшей подруге, она хватает меня за плечи и трясет почти так же сильно, как бык.

— Господи! Ты сделала это, больная сучка! Это было что-то! Обалдеть! Да, черт возьми! — кричит она, фальшиво гнусавя, и все вокруг нас скандируют, поднимая вверх бокалы с пивом.

Я улыбаюсь так широко, что щеки болят.

— Круто покатались. Как тебя зовут?

Низкий голос, раздавшийся позади меня, заставил меня повернуться. Ковбой смотрит на меня, как на легкую добычу. Как будто мы уже на полпути к прелюдии, и все со мной решено.

Я на секунду задумываюсь. Он ужасно сексуален. К тому же я знаю, с чем имею дело, поскольку ощутила это своей же задницей. Он отлично справился с ролью наездника и, возможно, так же неплохо проявит себя на сеновале. Эта сельская шуточка заставляет меня рассмеяться.

Тиффани хватает меня за руку и впивается в меня ногтями. Это универсальный код подружек, означающий *«Нет, нет, нет, отмена миссии!»*.

Мне даже не надо смотреть на нее, я чувствую на себе ее прожигающий взгляд и дарю Ковбою самую очаровательную улыбку.

— Золушка, и мне пора.

Это наша игра в Золушку, наша шутка, означающая «беги с наступлением полуночи».

Тиффани помогает мне перелезть через отполированные деревянные перила и сбежать с родео, и мы убегает, заливаясь смехом, с развевающимися на ветру идеально струящимися локонами.

— Прости! — кричу я Ковбою, когда он просит меня подождать.

Я громко смеюсь, широко улыбаюсь и уворачиваюсь от официантки с полным подносом пива. Мы на парковке, выезжаем на улицу, и я спрашиваю, почему она не дала мне назвать Ковбою свое имя.

— Он такой сексуальный, Тифф. Он мог овладеть мной на всю ночь!

На пассажирском сиденье я сжимаю бедра, словно снова сижу на быке, и покусываю губу, будто нахожусь где-то не здесь. Если быть точной, под Ковбоем.

— Ты знаешь, что это так не работает, — с укором говорит она.

И она права. Мы постоянно бросаем друг другу вызовы и совершаем безумные поступки. Это неотъемлемая часть нашей классной дружбы.

Но у нас есть границы.

Ничего такого, что может нанести кому-то вред, никакого секса и ничего *действительно* незаконного. Иногда можно слегка нарушить правила, как, например, когда мы проникли на крышу школы, чтобы тайком попить спиртное и курить, но ничего за рамками дозволенного.

— Секс с Ковбоем не имеет отношения к вызову. Он мог стать моей наградой за успешно выполненное задание. Ты видела меня на том быке? И это не везение новичка. Может, я попала в полосу везения? — возвращаюсь я к теме, чтобы подразнить ее, хотя уже практически забыла о Ковбое и наслаждаюсь триумфом.

— Может быть, но ты не видела официантку, которая сверлила вас взглядом. Я сразу поняла, что если ты слезешь с быка и залезешь на Ковбоя, то потасовка начнется меньше чем через девять с половиной секунд, — говорит она серьезным тоном, но в ее голосе слышится нотка разочарования. Как будто она готова заплатить, чтобы увидеть драку с моим участием в ковбойском баре.

Но она замечательная подруга и спасла мне жизнь, выступив заядлой сторонницей правил. На самом деле ей плевать на правила, она регулярно меняет сторону, и это как раз в моем духе, так что мы — золото.

— Оу, нет. Я не видела ее. Спасибо, что спасла меня. — Я перегибаюсь через консоль и аккуратно обнимаю ее за плечи, чтобы не отвлекать от дороги.

Она быстро смотрит на меня, и на лице ее появляется улыбка.

— Черт возьми, ты реально прокатилась на том быке! Йу-ху-у! — кричит она в темноту ночи в открытое окно.

— Да-а-а! — отвечаю я так же громко.

Задание выполнено.

Мы въезжаем на парковку общежития с выключенными фарами в надежде, что охранники нас не заметят, поскольку родео — не единственный вызов этого вечера.

Несколько часов назад я бросила Тиффани вызов незаметно улизнуть. Если мы сможем пробраться обратно после комендантского часа так, чтобы нас не поймали, то она успешно справится с этим вызовом.

Мы паркуемся и выходим, притаившись среди машин. Не знаю, почему, но, похоже, это подлое занятие. Мы как-то слишком громко шикаем друг на друга, тихо хихикаем, но нам удастся пройти через все здание и вернуться в комнату общежития, оставшись незамеченными.

Лежа в кровати с умытым лицом и в пижаме, я вспоминаю события этой ночи. Черт, как же было круто!

Слабенький голосок пытается вмешаться и говорит мне, чтобы я была осторожнее, относилась к вещам серьезно и вела себя хорошо. Это голос отца, живущий в моей голове, который цитирует все то, что он говорил мне бесконечное число раз все эти годы. Он все еще считает меня своей милой маленькой девочкой.

Но когда на одну чашу весов я кладу его приоритеты, а на другую — радостное возбуждение, которое испытываю от сумасшедших поступков, то отец всякий раз проигрывает. Мысленно я могу попросить его заткнуться и делать, что хочу, но я никогда не скажу ему этого лично, так как слишком сильно его люблю.

А еще я люблю совершать смелые поступки.

ШАБА 1

ЭЛЬ — ПОЗАДИ ЧЕТЫРЕ ГОДА И 1500 ВЫЗОВОВ

— **А**й! — вскрикиваю я прямо во сне. Тейлор Свифт разбудила меня, и я ударилась головой о спинку кровати.

Раздраженно бурча, я хлопаю по будильнику рядом с кроватью, но он не отключается. Он орет еще громче, упав с тумбочки в кровать. Тейлор дерзко сообщает парню, которому посвящена эта песня, что они никогда больше не будут вместе. Рада слышать, но почему бы не дать мне поспать еще полчаса, прежде чем обсуждать твою любовную драму, Тей-Тей?

Продолжая бубнить себе под нос, я снова нажимаю на кнопку, и Тейлор берет октавой выше, отчего моя голова буквально взрывается. И зачем я опять купила будильник с такими маленькими кнопочками?

Мне понадобилось несколько нажатий и прицельный удар каратиста, чтобы заставить будильник замолчать. Надо бы не забыть купить новый, поскольку этот я могла уже сломать, а если даже нет, то вариант с огромной кнопкой отбоя был бы совсем неплох.

— Ну спасибо, — начинаю я ворчать, но прекращаю, почувствовав, что вдыхаю... клубок кошачьей шерсти? Откашлявшись, я с отвращением вытираю рот и, к сожалению, ничуть не удивляюсь.

— Софи! — жалуясь я. — Ты опять сидела у меня на груди, пока я спала?

Моя черно-белая персидская кошка Софи Великолепная, которая, возможно, возомнила себя кем-то еще, со стола, куда она взгромоздилась, смотрит на меня надменным равнодушным взглядом и приступает к умыванию лапок. Не знай я ее так хорошо, поддалась бы искушению думать, что она не способна на такую подлость — оставить комок шерсти, чтобы он случайно оказался у меня во рту.

Но внешность обманчива.

Чаще всего Софи бывает лапочкой, но иногда она мой самый страшный кошмар. Мало того что я лишилась кресла в начале наших отношений, она еще и запрыгивает мне на грудь, когда я сплю. Моя светлая сторона искренне считает, что она охраняет меня и следит за моим дыханием. Однако моя темная сторона уверена, что она высасывает из меня жизненную энергию.

Но мне хватило ума не ждать ответа от моей пушистой компаньонки, я встаю и потягиваюсь. В голове я прокручиваю все то, что нужно сделать до работы: принять душ, побрить ноги, накраситься, одеться, а затем заехать за моей лучшей подругой Тиффани Янг, с которой мы подвозим друг друга на работу по очереди, и все это время я без умолку болтаю с Софи. Это одна из главных причин, почему я ее завела: так я хотя бы не выгляжу чудачкой, разговаривающей сама с собой.

— Если не прекратишь оставлять мне шерстяные комочки на завтрак, то увидишь, как я лишаю тебя всех девяти жизней. — Мой голос обрывается, когда я делаю шаг вперед и падаю в кучу скомканных вещей. — Черт возьми!

Блин, я всегда такая неуклюжая?

Я мрачно смотрю на Софи, которая по-прежнему красиво сидит на столе, и вижу в ее глазах усмешку. Она наслаждается моей утренней неуклюжестью. Я дрыгаю ногами, пытаюсь высвободиться от джинсов, которые вчера ночью бросила на пол перед тем, как рухнуть в постель. Я знаю, что от входной двери и до последней кучки тянется цепочка одежды, и это значит, что нужно смотреть под ноги, чтобы больше не упасть. Хорошо, что во время битвы с будильником мне удалось не опрокинуть с тумбочки бокал вина, оставленный там прошлой ночью.

Ночь была потрясающей, если под выражением «потрясающая ночь» вы понимаете полтора бокала вина, любимого книжного героя и немедленный сон сразу после мастурбации. Если честно, иногда я именно так и считаю. В остальных случаях, как сейчас, я думаю, что мне очень, очень нужен механизм с пульсирующим устройством. Погодите, сердечко забилося чаще, потому что у Максимуса, моего парня на батарееках, есть импульсный режим. Очень хороший импульсный режим.

— Даже не смей хихикать надо мной, — предупреждаю я Софи, стреляя в нее убийственным взглядом, и осторожно встаю на ноги. Она пропускает мои угрозы мимо ушей и даже отвечает мне милым мяуканьем, что противоречит ее злобной натуре.

— Клянусь, кто-то владеет темной магией...

— Папа, не читай мне наставления.

Снова играет музыка. На этот раз из моего телефона. Кажется, судьба решила посмеяться над моим музыкальным вкусом.

Черт. Только этого сейчас не хватало.

Часть меня хочет забить на все и собираться на работу. Но другая часть чувствует себя неловко от одной только мысли об этом. Есть люди, которых можно игнорировать, а есть такие, которых нельзя.

Если не ответить, то он так забеспокоится, что отправит «мальчиков» проведать меня.

Стоило только представить двух неуклюжих «нянек», моих двоюродных братьев, стоящими у двери, как я тут же передумываю и, вздохнув, нажимаю кнопку «Принять».

— Пап, — недовольно говорю я, когда красивое лицо моего отца Дэниела Страйкера появляется на экране телефона. По словам моей бестактной подруги, в свои сорок шесть он выглядит как «папочка, которого она бы отымела». Мне постоянно приходится ей напоминать, что это последнее, что мне хотелось бы слышать в жизни. Фу.

Благодаря строгой диете и постоянным тренировкам он излучает молодость почти двадцатитрехлетнего. И это еще не все: он вице-президент «Фокс Индастриз», многомиллиардной компании, входящей в список журнала 'Fortune 500', что делает его самым желанным холостяком среднего возраста в нашем городе. Так заявляет пресса, а не он сам.

Конечно, приятно осознавать, что благодаря такой генетике я буду элегантно стареть, но, с другой стороны, очень и очень странно, когда приходится размахивать битой, отгоняя от него своих подруг. Они ведь могут решать свои проблемы отсутствия отцовской любви с кем-то другим, а не с моим отцом, так ведь?

— Я пытаюсь собраться на работу. Что-то срочное?

— Ох! — восклицает папа, игнорируя мое нытье. Его красивая мордашка сияет, как рождественская елка, когда мое лицо появляется на его экране.

— Вот и моя прекрасная маленькая принцесса!

Внезапно он резко отскакивает от экрана, его лицо искажается от ужаса.

— Черт возьми, малышка! Кажется, у Горгоны Медузы появилась конкурентка! — Он отправляет в рот

несколько ягод малины: разговаривает со мной, готовя завтрак.

— Очень смешно! — улыбаюсь я, несмотря на раздраженность, и нисколечко не обижаюсь. Он всегда дразнил меня за взлохмаченные после сна волосы. Эта шутка появилась еще в моем детстве, когда он мучительно и терпеливо пытался расчесать мои патлы перед школой. Все было настолько плохо, что, будучи подростком, я стала делать шелковое обертывание, чтобы придать волосам божеский вид, но и это не сработало, потому что во сне я ворочаюсь, как одержимая девочка из фильма *«Изгоняющий дьявола»*.

Со временем я забила на это и ограничилась мытьем головы, большим количеством кондиционера и быстрой укладкой по утрам.

— Вообще-то не все выглядят по утрам так идеально, как вы, Ваше Величество, — отвечаю я, теща его самолюбие. — В свое оправдание могу сказать, что я только что выползла из кровати.

— Ты абсолютно права, — соглашается папа, проводя рукой по своим идеально зализанным назад волосам. Но в его глазах мелькает искорка веселья, и я убеждаюсь, что он не так уж высокомерен в своем «не сильно преклонном возрасте». — Только что встала, говоришь? Милая, тебе нужно наладить режим и найти время для себя. Рано ложиться, рано вставать, делать зарядку и съесть полезный завтрак, чтобы начать день правильно.

Это не только совет, но и сценарий его утра, в руке он держит стакан с какой-то зеленой жижей. Он делает неслабый глоток, и я морщусь от отвращения. Эта дрянь на вкус как трава, и я категорически отказываюсь завтракать чем-то, кроме кофе и печенья «Поп-тартс».

Я театрально закатываю глаза, чтобы он это заметил.

— Отстань. Мое утро не задалось с самого начала. Софи опять играла в похитителя душ, а перед тем, как ты позвонил, я запнулась и чуть не свернула шею. Хуже

его может сделать только подглядывающий Том, которого я поймала возле своего окна пару дней назад.

Папа нахмуривает брови и наклоняется ближе к камере, весь на иголках и крайне серьезный.

— Подглядывающий Том? — Папа тяжело дышит в приступе гнева. — Прислать мальчиков на разведку?

У меня вырывается стон.

Но отца уже не остановить:

— Система безопасности с дверной и оконной сигнализацией. Может, мальчикам стоит остаться на пару ночей, посмотреть, смогут ли они поймать паршивца...

Моих двоюродных братьев, Билли и Рикки, или, как зовет их Тиффани, Бибоп и Рокстеди, отец как будто усыновил. У них куда больше мышц, чем мозгов, и они с отцом, который с самого детства посылал их следить за мной, уже сидят у меня в печенках.

Их главная миссия? Обеспечивать мою безопасность, что с легкостью перетекает во вторую миссию — никакого веселья для Эль. А сейчас я говорю о себе в третьем лице, как сумасшедшая. Спасибо, пап!

По крайней мере, мне всегда удавалось перехитрить Билли и Рикки, чтобы они не мешали моим выходкам.

— Пап, мы ведь уже это обсуждали, разве нет? — спрашиваю я устало, многозначительно глядя через камеру. — Я взрослая женщина. Мне не нужно, чтобы кто-то приглядывал за мной, просто потому что у меня плохое утро. И вообще, нет никакого подглядывающего Тома, я пошутила. Съел?

Я высовываю язык, опровергая свое утверждение о том, что я взрослая.

— Ты серьезно? Но это не значит, что я перестану беспокоиться о тебе, Эль, — говорит отец, не обращая внимания на мою шутку. — Какой бы взрослой ты ни была, я всегда буду о тебе беспокоиться. Это мой долг.

Искренность в его глазах и проступившие на лбу тревожные морщинки трогают меня до глубины души, и на секунду я сочувствую ему.

В конце концов, учитывая историю нашей семьи, у него есть основания для беспокойства. Наша жизнь была похожа на сказку, но в один прекрасный день мама вдруг встала и ушла без объяснений. Она не оставила прощального письма, не сказала ни мне, ни ему, что любит нас.

Ничего.

Она просто испарилась, и с тех пор от нее не было никаких вестей.

Сначала мы подумали о самом худшем, и папа даже вызвал полицию, чтобы заявить о ее пропаже. Но она не пропала. Она просто бросила нас. Сказать, что папа был опустошен, значит ничего не сказать. Смысл его жизни, его спутница, его сердце — все словно вырвали из груди.

Позже мы узнали, что у нее была интрижка со старым приятелем из колледжа. Он устал быть просто хахалем на стороне и поставил ей ультиматум: либо он, либо семья.

Она выбрала его, и с тех пор я не получала от нее даже открыток на дни рождения.

После этого папа стал замкнутым, сосредоточился на мне и на работе, именно в таком порядке. Какое-то время я радовалась тому, что нахожусь в центре его внимания. Несмотря на уход матери, я чувствовала себя защищенной, утешенной и любимой, папа отлично справлялся со своей задачей. И каким-то образом ему удавалось оставаться самой настоящей «рабочей лошадкой». Когда я узнала значение слова «эффективный», то сразу же представила папу. Он отвозил меня в школу к восьми, и даже если я хотела поехать домой с двоюродными братьями или подругой, он всегда ждал у школы в пять тридцать, чтобы отвезти на урок балета, к девочкам-скаутам или еще куда-нибудь. Он даже готовил, и готовил очень

вкусно. В нашем доме не было никаких консервированных спагетти! Он прекрасно справлялся, и все казалось таким простым и непринужденным.

Но все изменилось, когда я повзрослела.

Я стала думать совершенно иначе, решив, что если жизнь в безопасности не гарантирует полного счастья, то почему бы не попробовать принцип «живем только раз»? Если мне дана только одна жизнь, я обязана прожить ее на всю катушку.

Да, иногда бывает страшно. Пару раз я чуть не прыгнула с крыши в бассейн и все-таки упала в него, задев бортик, разбила нос, после того как несколько десятков раз покрутилась вокруг бейсбольной биты. Однажды я решила, что справлюсь с крепким алкоголем, хотя прежде не пила ничего, кроме пива. И это только то, о чем знает папа.

Так или иначе, я не могла проигнорировать ни один вызов, каким бы безумным он ни был. Если кто-то произносил волшебные слова: «*Бросаю тебе вызов*», я тут же вступала в игру.

— Перестань за меня волноваться, — говорю я папе, очнувшись. — Ты знаешь, что я могу о себе позаботиться. Клянусь богом, Билли и Рикки сделали все, чтобы я знала, как одним ударом расплющить парню яйца, как яблочный пирог, и я уже стала взрослой, чтобы ругаться матом.

Папа кряхтит от боли, как будто он слишком хорошо представил себе, как сплющивают его семейные драгоценности. Затем он бормочет что-то, подозрительно напоминающее фразу «хорошие мальчики».

Я перебиваю его, желая сменить эту тему, которую мы уже избили до полусмерти, реанимировали, словно зомби, а затем опять избили.

— Мне надо собраться. Но пока я не ушла, расскажи быстренько, как проходят поиски второй штаб-квартиры для «Фокс»?